

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ЙОГА КАК ДУХОВНАЯ АЛХИМИЯ: ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА ХАТХА-ЙОГИ

Когда ум сохраняется твердым, то и дыхание (*ваю*) и семя (*бинду*) пребывают твердыми. Через твердость семени, поистине, неизменно порождается и твердость тела.

Горакша-вачана-санграха (132)

I. ПРОСВЕТЛЕНИЕ ТЕЛА — ИСТОКИ ХАТХА-ЙОГИ

Человеческое тело-ум не следует понимать как ограниченное подвижное пищеварительное устройство — что мы обычно себе представляем. Стоит нам лишь расслабиться или погрузиться в созерцание, как подобное расхожее материалистическое представление оказывается неверным, ведь именно тогда нам открывается энергетическое измерение самого тела и «глубокий план» сознания. Как только жесткие границы, в которые мы обычно заключаем себя, отступают, нас наполняют новые живительные силы, открывая перед нами мир более величественных переживаний. Расслабление и созерцание заменяют наш обычный незыблемый телесный образ восприятием себя как

стояний, связуя тем самым нас с более обширным, резонирующим [с нами] целым. При таком восприятии границы эго теряют свою жесткость. Квантовая физика говорит, что все взаимосвязано и что само представление о «я» как отдельной физической сущности оказывается заблуждением. Более того, она указывает, что так называемый объективный мир всего лишь «галлюцинация», воображение этой мнимой субъективности внутри себя. Мы с трудом усваиваем глубокие практические следствия квантово-механического взгляда на мир, очевидно, потому, что это требует от нас радикальных изменений в самом подходе к себе и окружающей вселенной. Квантово-механическое

Шива Ната-Раджа

могло бы показаться. Оно лежит в основе всей тантрической традиции, особенно школ хатха-йоги, которые зародились в лоне тантризма.

Образ «танца Шивы» лучше всего характеризует это направление: Шива в образе Ната-Раджи, или «Владыки Танца», извечно пребывает в танце, строящемся на ритмах вселенной — циклах творения (*сарга*) и разрушения (*пралая*). Он предстаёт тем, кто ткёт узор пространства и времени. Этот классический индуистский образ заворожил не одного физика. Первым, обратившим на него внимание, был Фритель Капра со своей широко известной книгой *Дао физики*.

Мысли о ритме и танце естественно приходят на ум, когда пытаешься вообразить поток энергии, принимающей различные образы, которые и составляют мир элементарных частиц. Современная физика показала нам, что дви-

жение и ритм — основополагающие свойства материи; что вся материя, на земле или во внешнем пространстве, вовлечена в нескончаемый космический танец. Восточные мистики имеют близкое к современной физике представление об изменяющейся вселенной, и поэтому не удивительно, что они тоже используют образ танца для выражения своего интуитивного восприятия природы [1].

Именно представители тантры впервые предложили подобный взгляд на вселенную, и от них же исходило новое отношение к человеческому телу и телесному существованию вообще. В предшествующие появлению тантры времена тело часто рассматривалось в гностическом плане как источник греховности, как недруг духа. Подобное отношение выразил неизвестный автор *Майтраяния-упанишад* в таких стенаниях:

Почтенный! Что пользы от наслаждений желанным в этом зловонном и лишённом истинной сущности теле, составленном из костей, кожи, жил, мозга, мяса, семени, крови, слизи, слез, глазных выделений, кала, мочи, ветра, желчи и флегмы? Что пользы от наслаждений желанным в этом теле, пораженном желанием, гневом, алчностью, ослеплением, страхом, отчаянием, завистью, разъединением с любимым, соединением с нелюбимым, голодом, жаждой, старостью, смертью, болезнью и прочими бедами? (1.3)

Мы можем посчитать столь пессимистический тон странным и преувеличенным, и тем не менее здесь замечательно выражены ма-

териалистические взгляды нашей собственной культуры. Пока мы будем видеть в своем теле лишь передвигающийся, пищеварительный тракт, мало радости, будет сулить поиск наслаждений, поскольку всякое наслаждение, что способна даровать нам плоть, неминуемо оказывается ограниченным в своей насыщенности и длительности, да еще и покупается большой ценой. Кроме того, погоня за наслаждениями не спасает нас от смерти. Переворот, произведенный тантрой, отменил представление о теле как «надутом кожаном мешке» [2]. «В тантризме, — замечает историк религии Мирче Элиаде, — человеческое ее тело обрело такое значение, какого ему никогда не придавалось раньше в духовной истории Индии» [3]. Суть этого нового отношения выражена в *Кула-арнава-тантре*, важном произведении индуистской тантры:

Как можно без тела воплотить величайшую человеческую мечту? Посему обретшему телесное пристанище необходимо осуществлять должные (*пунья*) деяния. (1.18)

Среди 840 000 видов воплощенных существ никому не обрести знание Реальности помимо [имеющих] человеческое [тело]. (1.14)

Тантрических наставников вдохновляла как раз возможность создания преображенного тела, которое они величали «алмазным» (*ваджра*) или «божественным» (*дайва*) — телом, сотворенным не из плоти, а из бессмертной субстанции, Света. Вместо того чтобы видеть в теле лишь кусок мяса, подверженный тлену и смерти, они усматривали в

нем обитель Божественного и тигель для выплавки духовного совершенства. Для них просветление касалось непосредственно самого тела. Как утверждает *Йога-шикхатантришада*:

Чье тело (*шнда*) нерожденно и нетленно, тот считается освобожденным при жизни (*дживан-мукта*). Домашний скот, птицу, червей и прочее воистину ждет смерть.

Как могут они обрести освобождение, оставляя тело, о Падмаджа? Жизненная сила [*йогина*] не выходит наружу, [но сосредоточивается в срединном канале]. Как же тогда может [случиться] оставление тела?

Освобождение, достижимое посредством оставления тела — разве зрящее освобождение? Как каменная соль [растворяется] в воде, так и Абсолют (*брахматва*) достигает тела [просветленного *йогина*].

Когда тот достигает [состояния] неинаковости (*ананьята*), говорят, что он освобождается. [Но другие продолжают] различать всевозможные тела и органы.

Абсолют обретает воплощение (*дехатва*) так же, как вода становится пузырем. (1.161–165a)

Воплощение просветленных наставников не ограничивается физическим телом, с которым те, как представляется, связаны. Их тело в действительности оказывается Телом всего и поэтому они в состоянии принимать любой облик, какой пожелают, — умение, приписываемое многим древним и современным подвижникам. Подобное преображенное тело еще именуют как *ативахика-деха*, или «сверх-

проводящее тело». Такое вездусущее, световое тело наделено могущественными сверхъестественными способностями (*сиддхи*), признаваемыми всеми текстами йоги и тантры. В *Йога-бидже* мы находим следующие строки:

Огонь йоги постепенно выпекает тело, состоящее из семи элементов [наподобие костей, костного мозга, крови и прочее].

Даже боги не могут обрести необычайно могущественного йогического тела. [Йогин] свободен от телесных уз, наделен различными силами (*шакти*), и является высшим.

Тело [йогина] подобно эфиру; даже чище эфира. Его тело тоньше тончайших [предметов], грубее самых грубых [предметов], нечувствительнее к боли [всего самого] нечувствительного (*джада*).

[Тело] повелителя йогингов послушно его воле. Оно самодостаточно, самостоятельно и нетленно. Он забавляется игрой, где бы ни был в трех мирах [то есть на земле, в срединном пространстве и в небесных сферах].

Йогин обладает немислимыми силами. Кто совладал с чувствами, способен по собственной воле принимать различные облики и заставлять исчезать их снова. (50-54)

Таким образом, подвижник предстает не просто просветленным существом, но чудотворцем, который уравниен в правах с самим Создателем. Мало среди тантрических и йогических сочинений таких, которые бы не затрагивали данную оккультную сторону йогического образа жизни, и тексты хатха-йоги здесь не исключение.

Движение сиддхов

Идеал алмазного тела лежал в основе зарождающегося культурного движения; сравнимого, возможно, с движением по осознанию тела 70-х и 80-х годов нынешнего столетия. Это был так называемый культ сиддхов, который получил развитие в период между восьмым и двенадцатым столетиями, сыграв важную роль в завершении великого всеиндийского сплава духовных учений индуизма, буддизма и джайнизма, а также алхимии и народной магии.

Слово *сиддха* означает «законченный» или «совершенный» и относится к последователю тантры, который обрел просветление в виде окончательного совершенства (*сиддхи*) и обладает к тому же всевозможными сверхъестественными способностями (*сиддхи*). Южно-индийский подвижник Тирумулар определяет *сиддху*, или *читтара* на тамильском языке, как человека, который познал посредством йогического экстаза запредельный Свет и Силу (*шакти*).

Сиддха — это духовный алхимик, который воздействует на загрязненную материю и преобразует ее, то есть человеческое тело-ум, в чистое золото, бессмертную духовную сущность. Наряду с этим утверждается, что он способен буквально преобразовывать вещество, и известный чешский индолог Камил В. Звелебил упоминает о потрясающей демонстрации такой способности одним из его учителей *сиддхов* [4]. Йогический процесс, характерный для данной тантрической традиции, объединивший

индуизм и буддизм, известен как *кая-садхана*, или «телесное претворение». Он послужил истоком хатха-йоги.

Наиболее важными школами движения сиддхов считаются школы натхов и махешваров. Родина первых — север полуострова, особенно Бенгалия. Последние берут начало на юге. Буддийские *Тантры* говорят о восьмидесяти четырех великих подвижниках, или *маха-сиддхах*, многие из которых почитаются даже сейчас как полубоги. Это были «большой частью простые селяне без большой тяги к учености и без всякого напускного в ней бахвальства» [5], но среди них мы также встречаем царственных особ и великих ученых мужей. Тибетские источники, ссылаясь на несохранившиеся санскритские сочинения, дают нам жизнеописания этих подвижников. Хотя в своей общей массе сведения и носят мифический характер, есть основания полагать, что за всеми этими удивительно живыми рассказами скрываются исторические личности. Ведь до нас дошло достаточно много литературных сочинений и мистических песен некоторых из них.

Согласно тибетской традиции, первым и самым выдающимся из восьмидесяти четырех *сиддхов* был Луипа (Лухипа), которого некоторые ученые отождествляют с Матсьендранатхом, знаменитым наставником еще более известного Горакханатха (Горакши). Бесчисленные сказания и песни повествуют нам о волшебных и духовных деяниях этих двух великих подвижников (см. ниже). Другим выдающимся

учителем Тилопы, который дал посвящение Наропе, гуру Марпы, который, в свою очередь, наставлял знаменитого *йогина-поэта* Миларе-пу. Тибетский список *маха-сиддхов* включает некоторые имена, которые также почитают и индусы.

Тамильская традиция Южной Индии упоминает о восемнадцати *сиддхах*, некоторые из которых китайского и сингалезского происхождения, а один, как сказано, был выходцем из Египта. Число восемнадцать столь же символично, как и цифра шестьдесят четыре для *сиддхов* севера Индии, и оба означают полноту, завершенность. Среди *сиддхов* юга Индии особо выделяются Аккаттияр (санскр. *Агастья*), Тирумупар, Чиваваккьяр и Бхогар, чьи учения и колдовские способности поражали людское воображение.

Бхогар, подвижник семнадцатого века, алхимик и поэт, принадле-

© MARSHALL GOVINDAN

Почему ты, безумец, произносишь мантры, бормоча их, вздыхая, бродя вокруг камня-истукана, будто это бог, украшая его венками из цветов? Разве заговорит недвижный камень — словно внутри там сам Господь? Разве плоске либо деревянному ковшу ведом вкус карри [7]?

Но отказ от форм поклонения, доходящих до идолопоклонства, можно встретить также и среди *сиддхов* севера Индии, особенно у последователей буддийской традиции естественного поведения сахаджия, как и у баулов Бенгалии, которые до сегодняшнего дня странствуют по стране, распевая песни посвящения. Разумеется, *сиддхи* не отрицают благочестивые чувства как таковые. Напротив, их осуждение обычно касается затверженности поведения, будь то в мирской или религиозной жизни. Даже набожность может обратиться в разъедающую душу «теорию», которая скорее будет затенять, нежели открывать запредельную уму Реальность.

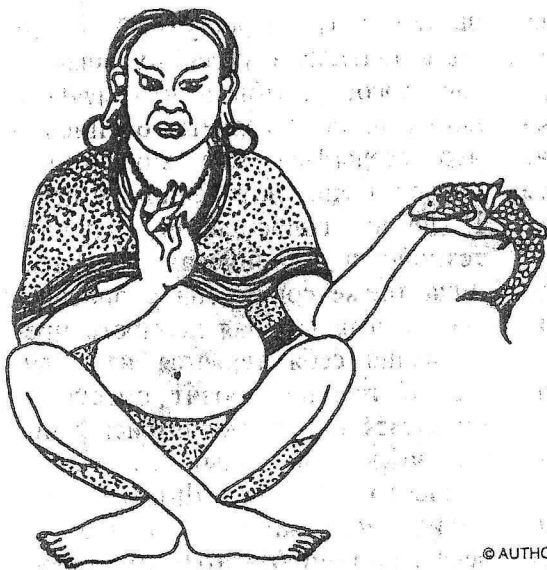
Несмотря на гневное осуждение со стороны *сиддхов*, мы можем обнаружить определенную склонность к «технократии» среди представителей натхизма, которые ставят магические обряды и приемы хатха-йоги выше преодоления эго, оставляя мало места для развития истинных духовных ценностей и установок. Там, где вместо преодоления себя, своего «я», отдают предпочтение обретению сверхъестественных способностей, легко поддаются раздуванию собственного эго и очерстветь душой. Или же, говоря иначе, когда *кундалини* вы-

зывает сопутствующую ей череду удивительных внутренних явлений, мы способны забыть, что *кундалини*, в сущности, является Богиней, и что развертываемое внутри нас представление всего лишь ее игра. Подобно современной научной технологии, индийская психотехника также сопряжена с опасностью. Когда высшая ценность преодоления себя теряется из виду, любой технике грозит опасность оказаться на услужении исключительно своекорыстных интересов.

Некто иной, как Дняндэва, великий подвижник тринадцатого века из земли Махараштра, осуждал тех *хатха-йогинов*, что «денно и ночью меряют ветер, распростерши руки», но лишены, к сожалению, всякого благочестия. И он предрекает, что их на пути ждут лишь горе и невгоды. Дняндэва был посвящен в хатха-йогу своим старшим братом Нивриттинатхом, который, по преданию, был учеником Горакши. *Днянешвари* Дняндэвы, написанное на певучем маратхи сочинение, — один из наиболее ярких и самобытных комментариев на *Бхагаватгиту*. Это удачная попытка совместить учения хатха-йоги, унаследованные Дняндэвой у своей семьи, с путем сердца, проповеданным Господом Кришной давным-давно. Трудно читать сочинение и не влечься его мудростью и исповедальной красотой.

Матсьендра и Горакша

Индуистская традиция связывает создание хатха-йоги с Горакшанатхом (хинди: *Горакханатх*) и его учителем Матсьендранатхом (хин-

Матсьендрнатх

ди: *Маччхендрнатх*), оба родом из Бенгалии. В своей *Тантра-алоке* Абхинава Гупта обращается к Матсьендре как к своему *гуру*, а это означает, что последний жил не раньше середины десятого века н. э. [8]. Матсьендра был главным представителем, если не зачинателем, того, что стало известно как натхизм. Однако самого Шиву считают основателем родословной натхов и величают Адинатхом, или «Перво-владыкой». Слово *натх* означает «господин» или «владыка» и относится к йогическому наставнику, который извещал как освобождение (*мукти*), так и сверхъестественные силы. Такие *натхи* считаются бессмертными существами, которые странствуют в горах Гималаев. Самого Матсьендру почитают как бога-хранителя Катманду в образе Швета Матсьендры («Белый Матсьендра»), чьим запредельным воплощением является *бодхисаттва*

Авалокитешвара. Последователи этих наставников — особенно Горакши — известны также как *натхи*, и натхизм рассматривается как составная часть современного тантризма.

Матсьендра («Поведитель Рыб», от слов *матсья* «рыба» и *индра* «повелитель») известен еще как Мина (*натх*) с тем же самым значением. Само имя также, возможно, указывает на его занятие: рыбак. Согласно преданию, поведенному в *Каула-джняна-нирнае* («Установление знания каулов»), которая относится к одиннадцатому веку и является древнейшим сохранив-

шимся источником сведений о каулизме, Матсьендра узнал о писании каулов (именуемом *кула-агама*, пишется *кулагама*) от огромной рыбы, которая проглотила его. Некоторые ученые истолковывают имя Матсьендры символически и утверждают, что оно означает некий уровень духовного развития, что вполне возможно и вовсе не противоречит выводу о том, что тот жил морским промыслом. Некоторые традиции полагают, что человек, носящий прозвание *Матсьендра*, владел техникой задержки дыхания и работы ума посредством печати небесной странницы (*кхечари-мудра*), одной из наиболее важных телесных печатей хатхайоги.

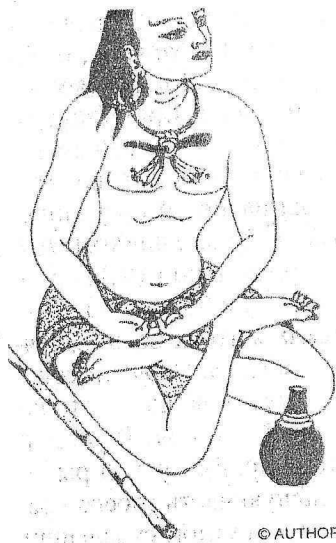
Матсьендра известен тибетцам как Джово Джамлин Кармо («Белый Владыка мира»), один из четырех благородных братьев, которые, согласно некоторым утверждениям,

ям, жили в седьмом веке. Его особенно связывают с сектой каулов движения сиддхов, внутри которой он создал течение йогини-каула. Эта тантрическая секта производит свое название от собственного исходного принципа — *кула*. Сама *кула* представляет собой конечную Реальность в ее деятельном или женственном аспекте как Шакти, особенно *кундалини-шакти*. Буквальное значение слова *кула* — «скопление» или «множество», но также, что немаловажно, «семья» и «дом». Поэтому сам термин вызывает одновременно представление о различности и защищенности, что извечно присуще змеиной силе, поскольку *кундалини* является сразу воплощением и множественной вселенной, и последнего прибежища *йогина*, которому ведома тайна *кула*. В этой школе Шиву часто рассматривают как *кулу* — начало, где преодолено различие. Связанное с этим понятие *каула* обозначает состояние просветления или освобождения, достигаемое через союз Шивы и Шакти. Само слово, однако, относится также и к последователю данного эзотерического пути. Некоторые списки приводят имена Матсьендры и Мины как отдельных личностей, что возможно, но маловероятно. Другие источники отождествляют его с Луипой, которого тибетцы, однако, рассматривают отдельно. Известен Луипа — тибетское имя, означающее примерно «поедатель рыбьих кишок», — во всей Северной Индии. Его изображают *йогинном*, любящим полакомиться рыбьей требухой. В Бенгалии *луи* означает небольшую рыбо-

ловную снасть, выделяваемую из тростника. Знатоки производят само имя от слова *лохи-пада*, означающего уроженца Лохита (ассамское название реки Брахмапутра, вода которой имеет красноватый оттенок). Луипу считают соавтором книги, написанной с буддийским ученым и подвижником Дипанкарой Шриджняной (=Атиша), который родился в 980 г. н. э.

В тибетских житиях восьмидесяти четырех *маха-сиддхов* имеется следующее повествование о Минанатхе (который, вероятно, одно лицо с Матсьендрой). Будучи рыбаком, тот большую часть своего времени проводил на утлом суденышке в Бенгальском заливе. Однажды ему попала огромная рыба, которая так сильно дернула за леску, что сам рыбак оказался за бортом. Подобно библейскому Ионе, Мина оказался в чреве рыбы, защищенный своей благой кармой.

Так случилось, что в то время Господь Шива наставлял свою божественную супругу Уму в тайных учениях, которые скрывал до сих пор. Чтобы никто не мог их слышать, та сотворила на дне океана особое место. Многих рыб привлекло необычное светящееся подводное сооружение, включая и громадину, которая проглотила Мину. Тем самым рыбак мог слушать незамеченным тайные наставления Шивы. И тут богиню сморил сон. Когда Шива спросил: «Ты слушаешь?», из чрева рыбы последовал скорый ответ: «Конечно!» Посредством третьего глаза Шива проник взором сквозь огромную толщу рыбьей туши в ее чрево, где заметил Мину. Он был поражен уви-

© AUTHOR

Горакша

денным, говоря: «Теперь я вижу, кто истинный мой ученик». И обращаясь к своей спящей супруге, сказал: «Пожалуй, я устрою посвящение ему, а не тебе».

Мина с благодарностью приняла посвящение и затем двенадцать лет — все это время пребывая в чреве рыбы — предавался исключительно изучению эзотерических практик, преподанных ему самим великим Богом. На исходе этого срока другой рыбак поймал морское чудовище, и когда распотрошил его, то из чрева явился Мина уже как полностью претворившийся наставник.

Главным учеником Мины, или Матсьендры, был Горакша. Согласно преданию, однажды некая крестьянка молила Шиву даровать ей ребенка. Тронутый страстными мольбами, великий бог снабдил ее волшебным порошком, приняв ко-

Невежественная женщина выбросила бесценный подарок на помойку. Двенадцать лет спустя случилось. Матсьендре присутствовать при беседе Шивы и его божественной супруги Парвати. Желая увидеть дитя, посланное крестьянке, Матсьендра отправился навестить ее, и та, робея, призналась, что сделала с любезным даром Шивы. Сиддха же невозмутимо советует ей порыться в злополучной куче мусора, и на удивление она отыскивает там двенадцатилетнего ребенка, которого нарекла Горакшей («Покровитель коров»).

Матсьендра взял к себе Горакшу учеником, и вскоре его слава затмила славу самого учителя. В некоторых рассказах Горакша предстает обращающим собственные чудодейственные способности на благо своего гуру. Так, согласно одному преданию, Матсьендра отправился на Цейлон, где влюбился в царицу. Она предложила ему остаться с ней во дворце, и долгое время Матсьендра был поглощен жизнью при дворе. Когда Горакша прослышал об этом, он немедленно поспешил на выручку. Он принимает женский облик, чтобы пробраться в царский гарем и встретиться с учителем. Благодаря своевременному вмешательству воспитанника Матсьендры приходит в себя и возвращается в Индию в сопровождении двух своих сыновей Параснатха и Нимнатха (оба имени на хинди).

Позднее, как повествует другое предание, Горакша убивает обоих сыновей Матсьендры, но лишь для того, чтобы вернуть их

опять к жизни. Все эти рассказы, естественно, несут глубокий символический смысл. Например, умерщвление двоих детей можно истолковать как йогический акт устранения жизненной силы (*прана*) из *ида-* и *пингала-нади*, токов по левую и правую стороны от срединного тока (*сушумна-нади*), и сосредоточение их в потаенном энергетическом центре у основания позвоночника, откуда пробужденная *кундалини* подымается к макушечному центру.

Горакша, живший в конце десятого — начале одиннадцатого веков н. э., запомнился как несравненный чудотворец. Очевидно, он был осуществившимся подвижником и харизматической личностью, обладающей значительным общественным влиянием. Тем не менее, согласно большинству традиционных преданий, он был выходцем из низов, если не из самого презираемого класса. Они также сходятся на том, что Горакша с ранних лет вел аскетический образ жизни и все время придерживался обета безбрачия. Он, похоже, был очень обаятельной личностью и путешествовал по всей Индии. Кабир, у которого было мало добрых слов для современных ему *йогинов*, славил Горакшу, Бхартрихари и Гопичандру как наставников, которые обрели единение с Божественным. Он также засвидетельствовал перед ними свою признательность за их учения

Созерцающий йогин канпхата в нетипично грузной (*slumped*) позе

о шести психодуховных центрах (*чакра*) тела и йоге звука (*шабда-йога*).

Изобретение хатха-йоги часто приписывают одному Горакше, хотя многие учения и практики этой школы существовали задолго до него [9]. Также утверждается, что Горакша основал орден канпхата («надрезанное ухо») натхов, который свое заманчивое имя получил по одному из отличительных признаков у своих последователей, то есть благодаря разрезу в ушных мочках, куда вдевались огромные круглые серьги (называемые *мудра* или *даршана*). Некоторые члены секты считают, что такой обычай позволяет воздействовать на проходящий в ухе важный ток (*нади*) жизненной силы, что облегчает обретение некоторых чудодейственных сил.

Орден канпхата, чьи последователи именуется еще как *джоги* и встречаются по всей Индии, состоит из затворников и монашеских общин, а также из небольшого числа семейных мужчин и женщин. Перепись 1901 г. в Индии сообщила о 45 463 натхах, почти половину которых составляли женщины. Обычно они занимали низкое общественное положение, и согласно Джорджу Уэстону Бриггсу, они делают обереги для себя, а некоторые продают их посторонним; они занимаются заговорами, и практикуют хиромантию, и показывают фокусы, предсказывают судьбу и толкуют сны; они торгуют шерстяными амулетами, защищающими детей от сглаза; и они разыгрывают [?] знахарей, бормоча заклинания над больными и используя талисманы и заговоры, а также торгуют снадобьями [10].

Картина, рисуемая Бриггсом и другими, показывает, что основанный Горакшей орден переживает упадок, и многих его представителей одновременно и презирают и боятся за их действительные или воображаемые колдовские способности и всегда готовые сорваться проклятия. Но есть также и те, кто продолжает наставлять жителей в духовных и мирских делах и кто, подобно преемникам Бхартинатха, развлекает и поучает посредством музыки и песен. Хотя и верно, что во всех обращенных к телесности путях кроется опасность заразиться самовлюбленностью, но правда и то, что любовь к самопреодолению присуща всякому истинно духовному подходу, включая хатхайогу.

Другие наставники натхизма

После Горакши наиболее видными представителями натхизма были Джаландхари (ученик Матсьендры), Бхартрихари (ученик Джаландхари), Гопичандра (ученик Джаландхари или Канху) и Чауранги (чья мачеха бросила его в лесу, отрубив ему перед этим руки и ноги, и который стал учеником Матсьендры), а также Чарпата (или Чарпати) и Гахини (оба воспитанника Горакши).

До своего ухода от мира Джаландхари был правителем процветающего города Хастинапура в северо-западной Индии. На востоке же он известен под именем Хадипа, что указывает на его низкородное занятие слуги. По преданию из-за того, что он, великий *сиддха*, возжелал супругу самого Шивы, та прокляла его вести жизнь *хадипа*, прислуживая прекрасной царице Майнамати из Чомиллы (современный Бангладеш). Его представляют великим чудотворцем, способным воскресить мертвеца — умение, которое он выказал на своем самом знаменитом ученике, царе Гопичандре (см. ниже).

Бхартрихари был правителем Удджайна и, согласно некоторым преданиям, — братом царицы Майнамати, матери Гопичандры. Он получил посвящение от рук Джаландхари, но считается также воспитанником Горакши. После своего добровольного отречения на престол вступил его брат Викрамдितья (Чандрагупта II), правивший с 1079 по 1126 г. Одна из подсект канпхатов названа по имени

любимой жены Пингалы, до сих пор прославляется в народных песнях, особенно в Западной Индии.

Другим из двенадцати основных учеников Горакши был Баба Ратан Хаджи, мусульманин, у которого доньне сохранились последователи в Кабуле и которому, возможно, принадлежит авторство *Кафир-бодхи* (сочинения, приписываемого также и Горакше). Однако он, похоже, умер в конце двенадцатого века, что исключает прямое общение с Горакшей, если только не допустить, что последний отличался завидным долголетием.

Чауранги, который был сыном царя Дэвапалы бенгальской династии Палов, приписывается авторство *Прана-санкалы* (сочинения, написанного на средневековом хинди). Тибетские жития восьмидесяти четырех великих подвижников повествуют о любовных домоганиях к нему со стороны мачехи, которые он отверг. Пережив унижение, та решила отомстить. Однажды она исцарапала все свое тело и обвинила в этом Чауранги. Царь Дэвапала, у которого не было причин усомниться в словах своей молодой жены, приказал палачам бросить в лесу царевича, отрубив ему руки и ноги. Уже было смерть настигла истекающего кровью юношу, как перед ним возник Минанатх. Он посвятил умирающего царевича в йогу и пообещал, что после успешного овладения преподанными уроками его члены отрасли снова.

© AUTHOR

Джаландхари

Однажды ночью, спустя двенадцать лет, поблизости остановился караван, груженный золотом и драгоценными камнями. Чауранги позвал их из темноты. Испугавшись, купцы выдали себя за торговцев, промышляющих древесным углем. «Пусть так и будет», — отвечивал он. На восходе солнца к своему ужасу те увидели, что вся их поклажа превратилась в уголь. Купцы вспомнили о бесплотном голосе, вызывавшем к ним прошлой ночью, и бросились на поиски Чауранги. Они были потрясены, найдя его подпирасное деревом обрубленное тело. Но вместе с тем они почувствовали, что перед ними человек невиданной силы, и признались ему в своей вчерашней хитрости, и попросили о помощи. Чауранги стал объяснять, что, скорее всего, он к этому не имеет никакого отношения, но

если его слова причастны к постигшему их горю, то пусть тогда уголь превратится снова в золото и драгоценные камни. Когда купцы проверили свою поклажу, они были счастливы увидеть, что все их богатства обрели свой первоначальный вид. Чауранги, однако, был поражен не меньше. Он вспомнил об обещании Минанатха, и затем посредством одного мысленного представления в тот же день отрастил себе руки и ноги.

Чарпата, или Чарпати, имел у себя в учениках царя Сахиту Варму из Чамбы, который правил в начале десятого века. Чарпате приписывают авторство сочинения под названием *Чарпата-шатака* (или *Чарпати-паддхати*), где заметно влияние джайнизма. Однако, согласно некоторым ученым, он был алхимиком, который исповедывал буддизм, но позднее стал учеником Горакши. Из этого труда и других учений натхизма становится ясным, что движение развивалось под непосредственным влиянием индуизма, буддизма и джайнизма. Есть еще *Чарпата-панджарика-стотра*, ошибочно приписываемая Шанкаре, которая, похоже, писалась по образцу *Шатаки* [11]. Тибетским источникам, которые причисляют Чарпати к восьмидесяти четырем великим подвижникам, он известен как Чарбарипа. Говорится, что он обладал поразительной способностью превращать людей в каменные изваяния Будды. По преданию, эти изваяния оживали вновь для телесного вразумления оступавшихся последователей, пока к ним не возвращалась ясность помыслов.

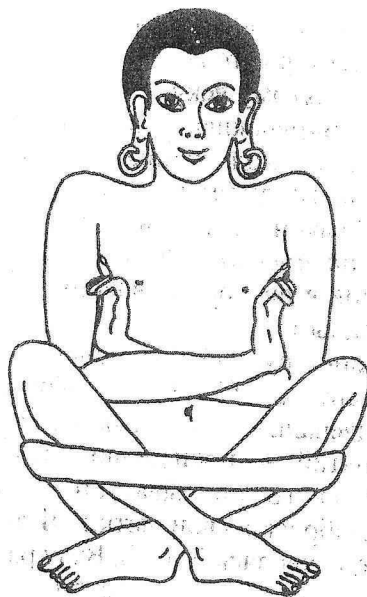
Гахини (маратхи: *Гайни*) из Махараштры считается учеником Горакши. Дату его рождения традиционно относят к 1175 г. н. э., что является слишком поздним сроком по сравнению с годами жизни Горакши. Однако сам Горакша мог быть его *парама-гуру*, или учителем учителя. Гахининатх дал посвящение Нивритти (смотрите ниже).

Гопичандра, некогда правитель восточной Бенгалии (ныне Бангладеш), — персонаж многих народных сказаний и песен, которые до сих пор распевают в Северной Индии. Некоторые ученые связывают его с Паттиканагарой в Трипуре (округ г. Читтагонга в районе Бенгальского залива), нежели с бенгальской династией Палов. Похоже, что его семья арендовала часть земель Бенгалии. Он был женат на двух дочерях царя Харишчандры, который мог править Саваром в округе Дакки, Бенгалия.

Гопичандра, согласно преданию, появился на свет благодаря непосредственному вмешательству Шивы, поскольку судьбой сын не был предначертан его царственной матери. Царице Майнамати, супруге правителя Маникчандры, было сказано, что ее новорожденный сын является учеником подвижника Джаландхари и посему должен быть возвращен своему наставнику после двенадцати лет своего правления. Ей также было сказано, что если Гопичандра именно в это время предстанет послушником перед своим гуру, то тем самым обретет бессмертие. Если же он отвергнет своего учителя и откажется уйти от мира, ему будет суждена немедленная смерть.

Гопичандра рос среди роскоши, вдали от мирских забот, и стал удачливым правителем. На двенадцатый год царствования Гопичандры в дворцовый сад прибыл Джаландхари (в виде низкородного мусорщика по имени Хади) и потребовал то, что принадлежало ему по праву. Царица-мать, которая была ученицей Джаландхари, сообщила новость Гопичандре. После тщательных расспросов тот принял наконец решение. Он направился прямо к Джаландхари/Хади и к ужасу окружающих бросил подвижника в глубокий колодезь, который заложил огромным камнем, а после сверху свалил семьсот подвод конского навоза.

Как и предсказывал Джаландхари много лет назад, Гопичандра тотчас очутился в тисках смерти, корчась в предсмертных судорогах. Неожиданно перед ним явился Джаландхари, совершенно невредимый. Своей могучей силой он быстро вернул Гопичандре чуть было не покинувшую его тело душу. Хотя царь и обрадовался оживлению, он с большой неохотой принял жизнь отшельника. Действительно, Джаландхаре часто приходилось вмешиваться в судьбу своего ученика, поскольку тот был глубоко привязан к своим одиннадцати сотням жён, шестнадцати сотням наложниц и собственным детям, как и к жизни в роскоши, к власти и славе правителя. Вероятно, он был самым непослушным учеником в истории йоги и много страдал за время своего ученичества. Но он также достиг высшей награды — освобождения в этой жизни, благодаря милости

© AUTHOR

Чауранги

своего гуру, своей благой карме и, не в последнюю очередь, своему упорству.

Помимо вышеозначенных наставников *Хатха-йога-прадипика* (1.5--9) упоминает такие имена, как Шабара, Ананда Бхайрава, Мина (отличать от Матсьендры), Вирупакша, Билешая, Мантхана Бхайрава Йогин, Сиддхи, Буддха, Кантхади, Корантака, Сурананда, Сиддхипада, Канерин, Пуджьяпада, Нитьянатх, Ниранждана, Капалин, Биндунатх, Какачандишвара, Аллама Прабхудэва, Гходачолин, Тинтини, Бханукин, Нарадэва, Кханда, Капалика. Нам почти ничего не известно о многих из них, но многочисленные предания рассказывают о наиболее значимых фигурах среди этих подвижников.

Если Ананда Бхайрава тождествен с Бхайравой Ананлой упо-

мянутым в *Карпура-манджари* царя Шекхары, то мы можем отнести его к десятому веку.

Вирупакша, возможно, одно лицо с подвижником Вирупой, которого тибетские источники причисляют к восьмидесяти четырем *маха-сиддхам*. Он родился в Бенгалии в период правления царя Дэвапалы и еще в юном возрасте поступил в буддийский монашеский университет Сомапуре. Когда после двенадцати лет самозабвенных занятий не произошло никакого духовного прорыва, он в отчаянии выбросил свои четки. В тот вечер ему явилась Богиня Ваджра Варахи, его избранное божество, даруя новые четки. Благодаря столь необычному событию его рвение значительно окрепло, и целых двенадцать лет он провел в особом созерцании и обрел столь желанное самопознание. Вскоре после просветления обнаружилось, что у себя в келье Вирупа вкушает голубиное мясо вместе с вином. Его лишили духовного сана и приказали покинуть обитель.

Горакша с коровами (гравюра по дереву)

Оказавшись за монастырскими воротами, он счастливый побрел через пруд, ступая непринужденно по листьям лотоса, пока не достиг противоположного берега.

Ошеломленные увиденным монахи бросились за ним, умоляя вернуться, что он и сделал. Когда же его спросили, почему он убивал голубей ради еды, тот объяснил, что это одна лишь видимость, как и все остальное. Он щелкнул пальцами — и голуби тотчас ожили. После этого представления он навсегда покинул обитель ради странствий в свое удовольствие.

Кантхади, возможно, был тем самым *сиддхой*, которого встретил Мулрадж I (941—996), правитель Чалукьи, живущим у берегов реки Сарасвати.

Пуджъяпада, возможно, был великим философом-лекарем, который родился джайном и жил в Карнатаке около 600-х гг. н. э. Его настоящее имя было Дэвананди, и он написал медицинский труд под названием *Кальяна-карака*. Только неясно, является ли он тем самым Пуджъяпадой, которому приписывают некоторые медицинские трактаты, включая написанную письмом телугу *Самадхи-шаттаку*.

Нитьянатх — это имя великого подвижника пятнадцатого века, которого считают автором *Расаратна-акары* (пишется *Расаратнакара*) — труда, где на тысяче страниц кратко излагаются все ранние аюрведические произведения.

Ему также порой приписывают сочинительство *Какша-пута-самхиты* (пособия по колдовству) и *Сиддха-сиддханта-паддхати*.

Капалин мог быть одним лицом с Капалапой, упоминаемым в житиях восьмидесяти четырех *маха-сиддхов*. Говорится, что он был поденщиком в Раджапури, где эпидемия унесла жизни его любимой жены и пятерых детей. В буддийскую традицию его посвятил Кришначарья, который обратил отсеченную голову жены Капалапы в чашу для подаяний, а из костей детей вырезал ритуальные украшения. Он наказал горемыке созерцать пустоту чаши-черепа. Спустя девять лет Капалапа добился успеха и стал прославленным наставником, имея шестьсот учеников.

Биндунатх, возможно, одно и то же лицо с автором *Раса-паддхати*, медицинского трактата.

Какачандишваре приписывают несколько трудов по йоге и медицинский трактат *Какачандишваракальпа*.

Аллама Прабхудэва был современником Басавы (1120—1168) и главой ордена, который включал триста осуществившихся подвижников, шестьдесят из которых были женщины. Его жизнеописание есть в *Прабхулинга-лиле*, сочинении шестнадцатого века, согласно которому сам Горакша получил посвящение от Алламы. Благодаря преподаваемым урокам Горакша стал неуязвим ко всякого рода оружию. Он гордо показывал свою вновь обретенную сверхъестественную способность самому учителю. Чтобы преподать Горакше урок смирения, Аллама попросил своего ученика уда-

рить его мечом. К своему удивлению, Горакша увидел, как меч прошел сквозь великого *сиддха* словно через пустоту. Аллама объяснил, что все формы являются лишь затывшими призраками, порождаемыми заблуждением (*майя*). Когда развязывается узел на сердце и спадают чары *майи*, постигаешь, что оказываешься не чем иным, как единственной Реальностью, которая вездесуща. Аллама покинул свое тело-призрак в 1196 г.

II. ХОЖДЕНИЕ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА — СТЕЗЯ ХАТХА-ЙОГИ

Тело есть обитель бога, о богиня. Душа (*джива*) есть бог Сада-Шива. Следует оставить остатки неведения; необходимо поклоняться с мыслью «Аз есмь Он».

Это извлечение из *Кула-арнавантантры* (9.41) говорит о конечной цели хатха-йоги, которой является Богопознание, или просветление, здесь и сейчас, в обожествленном или нетленном теле. Часто это выражается как состояние равновесия или соразмерности (*самараса*) в теле, когда обычно расплывенная жизненная энергия сосредоточивается в центральном канале. Эта мысль отражена уже в самом названии *хатха-йога*, которое эзотерически толкуется как союз (*йога*) между «солнцем» и «луной», сочленение двух великих деятельных начал или аспектов тела-ума.

Жизненная сила (*прана*) поляризуется вдоль срединной оси, где деятельный полюс (олицетворяемый